УДК 297.1:910.4

DOI: 10.21779/2500-1930-2018-33-2-68-74

Д.А. Гусенова

К вопросу об исследовании проблемы джихада в исламе

Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; gusenowa03111978@yandex.ru

В статье даётся обзор некоторых прикладных зарубежных исследований, посвящённых причинам, по которым молодые люди отправлялись на территорию квазигосударственного образования – ДАИШ и участвовали в вооружённом конфликте. В частности, в качестве таких факторов приводятся: лояльность государства по отношению к джихадистам, одобрительная позиция семьи джихадиста в этом вопросе, влияние социальных сетей на внутренний мир человека, а также активная пропаганда радикальных идей через средства массовой информации («электронный джихад»), использование психолого-педагогических приёмов, предыдущий опыт участия в боевых действиях, финансовые затруднения, географическая близость к эпицентру боевых действий и многое другое. Автор утверждает, что данный обзор показывает методологический крен в сторону утилитарного и обыденного характера мотивов джихадистов. Отмечается, что прикладные исследования в отношении некоторых вопросов ислама не совсем корректны. А усиливающийся страх перед пресловутой «исламской угрозой» добавляет к этому искажённую картинку понимания существа «угрозы». Потому для раскрытия сущности и содержания причин, мотивирующих человека участвовать в боевых действиях, необходимо более глубокое осмысление основ ислама. Для этих целей автор обращается к Корану и хадисам, раскрывая сущность джихада в более широком его понимании в контексте этики ислама. Показано, что джихад имеет не только милитаристское содержание. Он рассматривается в данной статье как любое усилие, которое мусульманин предпринимает во имя своей религии: непрерывная молитва в мечети, путешествие и многое другое.

Ключевые слова: *джихад, путешествие, Коран, хадис.*

О том, что обозначенная проблема имеет большой научно-практический интерес, свидетельствует сосуществование на сегодняшний день множества альтернативных научных объяснений многочисленных фактов пассионарности мусульман, их готовности к длительному и опасному путешествию, конечный исход которого неизвестен всем его участникам. В последние несколько лет весь мир наблюдал, как на территорию Сирии устремились иностранцы-джихадисты из многих государств, конфигурация происхождения которых, по меткому замечанию Мейрав Мишали-Рам (Mishali-Ram M.), «остаётся загадкой» [18, с. 169–190] и по сей день. Загадочны и мотивы по которым люди самых разных национальностей, гражданств, социального положения, преодолевают большие расстояния, чтобы принять участие в боевых действиях.

В качестве мотива радикализации и мобилизации мусульман, Мишали-Рам М. видит переплетение религиозных чувств джихадистов и национальной политики ряда мусульманских государств, правительства которых лояльны в отношении исламистов и «перенаправляют социальный проект на транснациональные арены» [18, с. 171]. В ряде случаев ключевую роль в этом отводят семье, а именно восприятию домочадцами вооружённой борьбы, тому какие с их стороны «предпринимались действия, чтобы

предотвратить отъезд или же облегчить поездку» [20, с. 39–58]. Клаусен Дж., проанализировав активность 59 твитт-аккаунтов, с января по март 2014 года обратил внимание на современные социальные медиа, которые используются джихадистами для привлечения добровольцев на воюющую территорию. Причём речь идёт именно об опытных боевиках, поскольку новобранцы, как правило, «сдавали свои мобильные телефоны по прибытии в тренировочные лагеря», и любой «несанкционированный контакт с членами семьи наказывался расстрелом» [15, с. 1–22]. Руднер М. назвал этот феномен «электронным джихадом», оказывающим влияние прежде всего на западные диаспоры мусульман через онлайн-библиотеки с джихадистской литературой, используемой для пропаганды и «обеспечения виртуального обучения тактическим приемам, производству взрывчатых веществ, а так же финансирования терроризма, подготовки конкретных терактов» [19, с. 10–23].

Уделяется внимание изучению психолого-педагогических приёмов в подготовке джихадистов, что является, по мнению Кеттле Л., «важнейшим звеном в борьбе с терроризмом» [14, с. 523–538]. Хорган Дж. в коллективном исследовании обращает внимание на социализацию детей внутри ИГИЛ⁸, на то, как они «развиваются от новичков до полноправных членов экстремистского движения» [12, с. 645–664], проходя шесть этапов: соблазнение, обучение, отбор, подчинение, специализация и дислокация и последствия этого. Исследуются и факторы, делающие одних более восприимчивыми к воинствующему исламу, чем другие, а также роль харизмы проповедника «в укреплении связи с последователями» ...и их вовлечении в ряды джихадистов [9, с. 44–61]. Изучаются личностные качества джихадиста, его предыдущий военный опыт, возраст и т. д. В США обратили внимание, что из 108 таких американских добровольцев «...73 (68 %) служили в Вооруженных Силах» [22], а их средний возраст составил около 27 лет⁹ (самому младшему было 18 лет, самому старшему – 44) [17]. А всего с начала сирийского конфликта (2011 г.), по данным ФБР с соответствующими намерениями «попытались покинуть или покинули США 300 американцев» [17]. Небольшое их количество объяснялось: 1) «географической дистанцией между американским континентом и сирийско-иракским полем сражения», из-за которой увеличивается продолжительность путешествия, а следовательно, возможность у правоохранительных органов это пресечь; 2) правовой системой, имеющей «в своем распоряжении множество инструментов для судебного преследования джихадистов»; 3) установлением ещё до конфликта на Европейском континенте широкой сети ячеек джихадистов [17]. Джихадистов-добровольцев предлагается даже делить на три категории: «пионеры», «одиночки» и «сетевые путешественники» [17]. «Пионеры» «первопроходцы», прибывшие в Сирию до или в самом начале конфликта и поднявшиеся до уровня лидеров в ДАИШ благодаря боевому опыту, активному участию в подготовке группировок, владению религиозной доктриной или идеологическими, материально-техническими навыками. Они решали именно боевые задачи «по сравнению с последующими путешественниками, которые, возможно, были убеждены в том, что они могут служить ИГИЛ на небоевых ролях» [17], а также оказывали материально-техническую поддержку в поездке «сетевым путешественникам» (87 %), втянутым в ИГИЛ через личные связи (родственные, дружеские, общинные) [17]. И, наконец, самая малочисленная группа – «одиночки», кото-

⁸ Организация, запрещённая в РФ.

⁹ Другие исследования показали преимущественное присутствие молодых людей в рядах добровольцев-джихадистов. Из соседней Иордании в Сирию также выезжали молодые люди 18–30 лет, хотя были и исключения – люди старше 65 лет.

рым «удавалось без посторонней помощи добраться до Сирии и Ирака, не будучи задержанными» [17].

Данные о количестве джихадистов были получены на основании отслеженных реальных аккаунтов в социальных сетях, а также идентификации лиц, попавших в новостные сводки и т. д.¹⁰ Согласно данным на июль–август 2015 года эта цифра составляла приблизительно «20000–30000 иностранцев из более 100 стран» [22]. Вызывает интерес у исследователей и тот факт, что из числа «западных добровольцев» «около 20 % составляли женщины», а по отдельным странам эти цифры доходили до 40 % [8]. Александр А. в своём исследовании опровергает устоявшийся стереотип о том, что участие женщин в джихаде объясняется лишь обманным завлечением в ряды ИГИЛ или «личным стремлением к возлюбленным». Хотя женщине зачастую отводится традиционная роль жены или матери джихадистов, но, к примеру, американские женщины, – пишет Александр А., «были привержены делу джихадистов» [5]: кто-то из них работал в больницах, кто-то – в сетях сторонников онлайн-джихадистов, другие участвовали непосредственно в боевых действиях.

Рассматриваются также и сугубо утилитарные мотивы, связанные с финансовыми затруднениями и безработицей джихадистов [11]. Однако, по мнению Т. Джонсона, этот довод представляется менее убедительным, когда речь идёт о джихадистах из стран благополучного Запада, и в особенности в отношении джихадистов-американцев, которые имеют более высокий уровень социально-экономической интеграции, чем их единомышленники в других западных странах [13]. Проводилось исследование, иллюстрирующее отсутствие прямой взаимосвязи между показателями экономической эффективности страны пребывания и числом добровольцев из этой страны в Сирии и Ираке [6]. Более того, добровольцы-джихадисты в некотором смысле более удобны для привлечения к боевым действиям, чем контрактники, поскольку поведение первых мотивируется воспринятыми идеалами, а не ежемесячно выплачиваемой зарплатой.

Все эти попытки объяснения феномена джихада вскрывают лишь утилитарные мотивы джихад. Поэтому, на наш взгляд, сами по себе исследования на данную тему нуждаются в методологической продуманности и, как отмечали те же авторы, требуют «достижения консенсуса в отношении оптимальной практики» [10].

Столь широкий спектр именно прикладных исследований феномена джихада, перечисленных в данной статье и в подавляющем большинстве присутствующих в других (прежде всего в западноевропейских и североамериканских) изысканиях последних лет, на наш взгляд, указывает на доминирующее положение методологии позитивистской философии с её главным постулатом об единственно истинном знании, полученном из эксперимента и наблюдения. Методологически позитивизм в отношении некоторых вопросов религии не совсем корректен. А усиливающаяся фобия перед пресловутой «исламской угрозой» добавляет к этому искажённую картинку понимания существа «угрозы» – мобилизацию мусульман, которую не замечают в более мирных его проявлениях – хадже или пятничном намазе в мечети.

Для решения методологической проблемы необходимо расширить исследовательское поле, вплоть до осмысления любых проявлений джихада, в том числе через «точность, достоверность и надёжность интерпретации послания ислама, содержащегося в Коране и Сунне» [7, с. 147]. Другой вопрос, и здесь мы согласимся с Ю. Далхат (Dalhat Yusuf), что в таком случае «может служить действительным вкладом в эту область»? [7, с. 147]. Автор обращает внимание на существование двух направлений исламоведче-

¹⁰ К примеру, с 2014 по 2015 год число иорданцев, сражающихся в Сирии, составляло около 2000 человек. Количество иностранных число добровольцев из Европы колеблется от 5000 до 6000, большинство из которых из Франции, Бельгии, Германии и Соединенного Королевства.

ских исследований: 1) то, «как ислам и мусульмане влияли на мир в социальных аспектах»; 2) «изучение и понимание абсолютного смысла исламских знаний, изучение всех аспектов исламского вероучения» [7, с. 148]. В последнее время всё больше исследований проводится именно в русле первого направления, что и делает их (эти исследования) несколько однобокими.

Таким образом, большой спектр исследований, по-разному объясняющих пребывание граждан разных государств на территории квазигосударственного образования «ИГИЛ» для участия в боевых действиях, показывает методологический крен в сторону утилитарного и обыденного характера мотивов джихадистов. Эта проблема должна рассматриваться комплексно с использованием всего имеющегося арсенала научного инструментария: социологического, психологического, криминологического и т. д. В последние десятилетия принято за аксиому, что во всех преступлениях, совершаемых под религиозными лозунгами, виновата не религия, а человек (с чем, в общем-то, согласны и мы), и как следствие, уменьшается исследовательский интерес к религиозно-философскому анализу джихада.

Между тем джихад содержит в себе не только милитаристское содержание. Как известно, термин «джихад», производный от арабского корня «j.h.d», означает «борьбу», «приложение усилий», «тяжёлый труд», «мотив» и «намерение». Отсюда и широкое его толкование: все усилия, предпринимаемые для верховенства ислама. В Коране не всегда употребляется слово «джихад» применительно к войне. Латиф А. и Мунир Х.С. обратили внимание на то, что чаще используются такие понятия, как *фитна* (араб. – смута), *фасад* (араб. – порочность), *китаал* (араб. – воевать с оружием), а «для вооруженной борьбы во имя ислама используется термин “Qitaal Fi Sabeel-e-Allah”, что означает, что такая война не для какой-либо личной выгоды, а для более благородного дела, то есть во имя Всемогущего Аллаха» [16, с. 71]. Авторы обратили внимание и на то, что в Писании слово «китаал» используется значительно чаще (54 раза), тогда как «джихад» – в 29 стихах, и каждый раз в более широком смысле, чем война как действие [16, с. 71].

Другое недоразумение, подмечают авторы, – то, что джихад в контексте его положения в исламе чаще определяют как «фарз-айн», то есть обязанность каждого мусульманина, а не как «фарз-кифайа», понимаемое как действие, предписанное всей общине, исполнять которое могут лишь некоторые ее члены, с остальных же эта обязанность снимается. Но если никто не выполнит положенных действий, то вся община будет считаться грешной. «Фактически китаал – это и есть «фарз-кифайа», когда исламское государство объявляет войну и вдохновляет на неё всех верующих. Тогда для мусульман этот призыв становится «фарз-айн» [16, с. 73]. Авторы напоминают, что в истории ислама это произошло один раз при Пророке Мухаммаде во время битвы при Табуке [16, с. 74]. В обычных же условиях «китаал» не является «фарз-айн», а джихад должен трактоваться в широком смысле. Таким образом, заключают авторы, джихад в основном направлен на искоренение вредных тенденций в развитии общества, в то время как терроризм направлен на уничтожение людей и этого общества [16, с. 74]. Об этом же говорит и Умар Шейх Тахир (Umar Sheikh Tahir), отмечающий, что насилие, которое проявляется в экстремистской деятельности под религиозными лозунгами, является «результатом неправильного толкования некоторых исламских текстов о джихаде» [21, с. 49].

Поскольку понятие «прилагать усилия» может нести разную смысловую нагрузку в отношении достижения как благородных, так и низменных целей, применительно к термину *джихад* исключаются «элементы мести, стремление к территориальной экспансии, выполнение личных желаний, достижение богатства и собственности, завоева-

ние славы и популярности, ...политического превосходства» [16, с. 74]. Скорее речь идёт о борьбе с духовными и социальными пороками о необходимости собственноручного изменения порицаемого, противостоянии «сомнительному» и «страстям». Если это не получается сделать рукой, мечом или денежными средствами, то это должно быть сделано «своим сердцем» [1: гл. 56], то есть открытым или тайным осуждением действий. К джихаду можно отнести и изучение «того, что связано с религиозными делами, применение полученных знаний на деле и передачу этих знаний другим» [16, с. 74]. Примером более широкого понимания джихада является и высказывание Абу ад-Дардаъ: «Поистине, вы воюете посредством ваших дел» [1: гл. 13].

Своеобразным отражением сути джихада является и упоминание в хадисах иерархии предпочтительности дел мусульманина. Первостепенными считаются «молитва, совершаемая в установленное для неё время», «проявление почтительности и доброты по отношению к родителям», «борьба /джихад/ на пути Аллаха» [1: 2782].

Но изучение других сур Корана и хадисов наводит на мысль, что это может рассматриваться и как некая этическая норма, поскольку каждый из названных компонентов признается в исламе самостоятельным проявлением джихада. Так, джихад как некая деятельность приравнивается по значимости к непрерывной молитве в мечети и к посту без разговления [1: 2785, 1878, 2787, 2790]. Как известно, «проявление почтительности и доброты» к родителям – это общепринятая этическая норма, которая в исламе применительно к «усердствующему на пути Аллаха» выступает как гарант благоразумности намерений этого человека и совершаемых им деяний, что немаловажно с точки зрения его самопрезентации. Иначе говоря, в джихаде не может участвовать человек, пренебрежительно относящийся к своим родителям. И только при выполнении двух этих условий верующему разрешается прилагать усилия в отношении религии.

Литература

1. *Ал-Бухари*. Ал-Джами' ас-сахих. Китаб ат-тафсир («Собрание истинных хадисов. Книга толкования Корана») / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://hadis.info/sborniki-hadisov/saxix-al-buxari/> Дата обращения: 12.10.2017. Загл. с экр. Энциклопедия хадисов. В главе 56 «Книга джихада».
2. *Арухов З.С.* Концепция джихада в раннем исламе: дис. ... к. филос. н.: 09.00.06. – Махачкала, 1995. – 159 с.
3. *Мухаммад аль-Касими*. Наставление верующим / пер. Владимир АбдуЛлах Нирша. – М., 2009. – С. 83.
4. *Эйдлин Л.* Идеи и факты // Иностранная литература. – 1970. – № 8. – С. 214–228.
5. *Alexander A.* Cruel Intentions: Female Jihadists in America. Program on Extremism. 2016. <https://cchs.gwu.edu/sites/cchs.gwu.edu/files/downloads/Female%20Jihadists%20in%20America.pdf>.
6. *Benmelech E., Klor E.F.* What Explains the Flow of Foreign Fighters to ISIS? – Cambridge, 2016.
7. *Dalhat Yu.* Introduction to Research Methodology in Islamic Studies // Journal of Islamic Studies and Culture. December. – 2015. – Vol. 3, № 2. – P. 147–152.
8. *Gaub F., Lisecka Ju.* Women in Daesh: Jihadist 'cheerleaders', Active Operatives? URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_27_Women_in_Daesh.pdf.
9. *Gendron A.* The Call to Jihad: Charismatic Preachers and the Internet // Studies in Conflict & Terrorism. – 2017. – Vol. 40, Issue 1. – P. 44–61.
10. *Harris D.J., Simi P., Ligon G.* Reporting Practices of Journal Articles that Include Interviews with Extremists // Studies in Conflict & Terrorism. – 2016. – Vol. 39, Issue 7–8. – P. 602–616.

11. *Hegghammer T.* Revisiting the Poverty-Terrorism Link in European Jihadism // Presented at the Society for Terrorism Research Annual Conference. – Leiden, 2016. November 8. http://hegghammer.com/_files/Hegghammer_-_poverty.pdf.
12. *Horgan J.G., Taylor M., Bloom M., Winter Ch.* From Cubs to Lions: A Six Stage Model of Child Socialization into the Islamic State // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2017. – Vol. 40, Issue 7. – P. 645–664.
13. *Johnson T.* Muslims in the United States. Загл. с экрана: Council on Foreign Relations. 19 September 2011. URL: <https://www.cfr.org/background/muslims-united-states>.
14. *Kettle L.* Terrorist Learning: A New Analytical Framework // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2017. – Vol. 40, Issue 7. – P. 523–538.
15. *Klausen Jy.* Tweeting the Jihad: Social Media Networks of Western Foreign Fighters in Syria and Iraq // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2015. – Vol. 38, Issue 1. – P. 1–22.
16. *Latif A., Munir H.S.* Terrorism and Jihad, an Islamic Perspective // *Journal of Islamic Studies and Culture*. – March 2014. – Vol. 2, № 1. – P. 69–80.
17. *Meleagrou-Hitchens A., Hughes S., Clifford B.* The Travelers: American Jihadists in Syria and Iraq. Загл. с экрана: The George Washington University Program on Extremism. 6 February 2018. – 102 p.
18. *Mishali-Ram M.* Foreign Fighters and Transnational Jihad in Syria // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2018. – Vol. 41, Issue 3. – P. 169–190.
19. *Rudner M.* “Electronic Jihad”: The Internet as Al Qaeda's Catalyst for Global Terror // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2017. – Vol. 40, Issue 1. – P. 10–23.
20. *Van San M.* Belgian and Dutch Young Men and Women Who Joined ISIS: Ethnographic Research among the Families They Left Behind // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2018. – Vol. 41, Issue 3. – P. 39–58.
21. *Tahir U.Sh.* The Concept of Jihad in Islamic Texts: An Analytical Study of Violence between Mainstream Scholars and Extremists // *Al-Bayan: Journal of Qur'an and Hadith Studies*. – 2017. – Vol. 15, Issue 1. – P. 48–72. DOI:10.1163/22321969-12340045.
22. The Other Foreign Fighters an Open-Source Investigation into American Volunteers Fighting the Islamic State in Iraq and Syria / <https://www.bellingcat.com/wp-content/uploads/2015/08/The-Other-Foreign-Fighters.pdf>

Поступила в редакцию 11 мая 2018 г.

UDC 297.1:910.4

DOI: 10.21779/2500-1930-2018-33-2-68-74

The question of methodology problems in the study of Jihad in Islam

D.A. Gusenova

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; gusenowa03111978@yandex.ru

The article gives an overview of some applied foreign studies on the reasons why young people joined quasi-state DAESH and participated in armed conflict. In particular, the following factors are cited: the loyalty of the state to jihadists, the approval of the jihadist family on this issue, the impact of social networks on man's inner world, as well as the active promotion of radical ideas through the media (electronic Jihad), the use of psychological and pedagogical techniques, previous experience of

participation in hostilities, financial difficulties, geographical proximity to the epicenter of hostilities and much more. The author argues that this review shows a methodological bias towards utilitarian and mundane character of jihadist motives. It is noted that the methodologically applied research on some issues of Islam is not quite correct. And the growing phobia in front of the notorious 'Islamic threat' adds to this a distorted picture of the understanding of the essence of the 'threat'. Therefore, in order to reveal the essence and content of the reasons motivating a person to participate in hostilities, it is necessary to have a deeper understanding of the foundations of Islam. For these purposes the author refers to the Quran and hadiths, revealing the essence of Jihad in its broader sense in the context of Islamic ethics. It is shown that Jihad contains not only militaristic content – it is considered in the article as any effort that a Muslim makes in the name of his religion: continuous prayer in the mosque, travel, and more.

Keywords: *jihad, travel, Quran, hadith.*

Received 11 May, 2018